

В «Конае» было шумно и людно: надвигался день поминовения, и в столицу стягивались люди со всех концов страны. И конечно же, гости, хоть раз бывавшие в заведении тетушки Саеко, хотели вернуться сюда же, под гостеприимную крышу. Хозяйка сновала среди этой разношерстной толпы, успевая и поздороваться с каждым знакомым, и подать чаю, и распорядиться хлопочущим тут же девочкам, и прикрикнуть на не слишком расторопного, по ее мнению, сына. Кобунго замечания матери принимал стоически, покорно выполняя все просьбы.

Генпачи постоял немного, наблюдая за этим переполохом, и ушел в жилую половину, так никем и не замеченный, лишь дядюшка Инута сказал ему из прохода на кухню, чтобы за ужином шел сам. Генпачи на это только кивнул.

Есть не хотелось совсем, слишком уж выматывающим вышел этот день со всеми его происшествиями и знакомствами. Да и закончился он не слишком радостно: ни служба на севере, ни работа в полиции не научили Генпачи спокойно смотреть на слезы убитой горем матери, только что потерявшей дочь. А госпожа Исида плакала пусть и тихо — сдержанно и воспитанно, как настоящая дочь знатного семейства, — но очень искренне. И помочь ей Генпачи ничем не мог.

А после всего этого Генпачи пришлось заполнить чертову уйму различных бланков и написать длинный и детальный рапорт, который следовало сдать завтра с самого утра. В результате Генпачи ушел из управления одним из последних, после того, как ночная смена выехала на объезд.

И теперь ему хотелось одного: добраться до своей комнаты, вытянуться на кровати и полежать в тишине, спокойно обдумывая то, что случилось за этот долгий день.

Увы, судьба в этот вечер была не на стороне Генпачи: на жилой половине дома оказалось почти так же шумно и людно, как и в гостинице.

Генпачи отодвинул створку седзи, отделяющих маленькую комнату от энгавы, и окинул взглядом собравшуюся компанию. Здесь были почти все: Досецу, только что вернувшийся с поездки в какой-то горный поселок, в котором случилась вспышка лихорадки, Дайкаку, как видно, закончивший очередной заказ, Асакено в его неизменном девичьем кимоно, Шинобу, увлеченно кормивший в углу Мегу. Их комнатный екай послушно открывал пасть и проглатывал предложенные куски мяса, довольно жмурясь единственным глазом.

— А Шино где? — поинтересовался Генпачи с порога.

— Они с Соске остались в особняке демонов, — любезно ответил Кено, отвернувшись от увлеченно беседующих Дайкаку и Досецу. Похоже, кукольник и врач нашли много интересных тем для разговора.

— А Кобунго занят, — добавил он, отхлебывая чай с явным удовольствием. Генпачи в который раз подумал, что лицо Асакено может быть весьма выразительным, когда он позволяет себе немного расслабиться.

— Я видел, — кивнул Генпачи, — я к себе.

— Трудный день? — понимающе хмыкнул Кено, как раз, когда Шинобу спросил:

— А есть вы не будете?

— Нет, не буду, — мотнул головой Генпачи, разворачиваясь, чтобы уйти из комнаты. И наткнулся на Кобунго с подносом в руках — тот чудом увернулся, удержав при этом тарелки с разнообразной закуской.

— Ты точно не голодный? — тоном суровой мамочки спросил он, и Генпачи невольно улыбнулся в ответ:

— Нет, я поел в управлении.

— Ну я тогда к тебе попозже приду, — пообещал Кобунго и зашел в комнату, в которой собрались ребята.

Генпачи хмыкнул и все-таки пошел к себе, слыша за спиной негромкий голос Кено, что-то одобрительно говорившего о принесенной еде.

Комната, которую Генпачи уже давно привык считать своей — тетушка Инута запретила ему даже думать об одинокой жизни в отдельном доме — была маленькая, но уютная. Генпачи снял фуражку, стянул мундир, вытянул из брюк ремень и рухнул на кровать, не раздеваясь дальше.

Потолок над головой казался серым в ночном полумраке, впрочем, даже не трансформируя зрачки, Генпачи отлично видел каждую трещинку и узор на тонких деревянных панелях. И все еще слышал краем уха голоса ребят в гостиной.

Генпачи вздохнул и закрыл глаза, отрешаясь от внешнего шума, — у него было, о чем подумать.

На самом деле, эта неделя после буйства Мурасаме вышла чуть не самой выматывающей в жизни Генпачи, слишком уж много всего пришлось внезапно решать и расхлебывать: от жалоб оседлых столичных аякаши до усиленных патрулей в старом городе. А теперь еще и это убийство, явно завязанное на потусторонний мир.

— Сговорились они все, что ли? — негромко пробормотал Генпачи, вспоминая серьезные взгляды Йошико и господина Исиды. Каждый из них хотел от него ответов, которые Генпачи дать просто не мог.

— Что случилось, братюнь? — спросил Кобунго от двери. Конечно, он его услышал. Впрочем, Генпачи заметил, что названный брат идет к нему, еще когда тот был возле дверей гостевой половины дома.

— Да ничего, — мотнул головой Генпачи, садясь на кровати. — Пора, да?

— Да вроде как, — пожал плечами Кобунго.

Что ж, им предстояло еще одно весьма неприятное дельце: зачистка территории старого города от пришлых неразумных аякаши. Генпачи вздохнул и вышел к названному брату.